

Альманах "Рыболов- спортсмен"

№09 1957

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 796
ББК 75.5
А57

А57 Альманах "Рыболов-спортсмен": №09 1957 / – М.: Книга по Требованию, 2023. – 216 с.

ISBN 978-5-519-18521-9

Сборники художественных рассказов и хроник о рыбной ловле, а также советы по изготовлению снастей. Прекрасная возможность окунуться в атмосферу природы и быта той страны, в которой многие из нас родились и выросли.

Очередной выпуск альманаха содержит очерки о рыбной ловле, статьи учёных-ихтиологов, рыболовов-практиков и журналистов об актуальных проблемах, опыте мастеров и новинках рыболовного спорта...

ISBN 978-5-519-18521-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

с ходатайством к правительству об издании сурового закона по охране природы. Этот закон должен железной рукой защитить наше настоящее и будущее наших детей и внуков», — еще раз повторяет общее желание наших корреспондентов Н. Е. Кулинов.

С. И. Недодаев из Ворошиловграда пишет Х. Н. Херсонскому: «Сборник «Рыболов-спортсмен» № 7 открывается вашей статьей, которую я прочел с глубокой болью и радостью в душе. С болью потому, что у нас еще живут, здравствуют и творят свое гнусное дело горе-хозяйственники, директора и управляющие, которые, несмотря на возмущение народа, на запрещение министерства, продолжают отравлять ядовитыми отходами производства реки, озера, водоемы и портить лес. Продолжают уничтожать то, что дорого человеческому сердцу, то, где трудящийся человек в часы досуга находит физический и душевный отдых. Это — по меньшей мере — больно.

Радуюсь я тому, что печатный орган, который имеет неограниченную силу, яростно выступает в защиту интересов простого советского человека, простого труженика, что вы беспощадно бичуете разорителей народного добра, бессердечных и бессовестных браконьеров-хищников, варваров и хапуг, что вы выступаете с конкретными предложениями, что вы обратились к народу с призывом повести всемерную борьбу с этим народным злом. Вы правильно поднимаете этот вопрос, и я присоединяюсь к вашему голосу.

Я люблю наш Северный Донец, у меня сердце обливается кровью, когда я вижу его отравленным и поруганным, когда в нем течет вода, то желтая, то зеленая, то бурая. В этом повинны директора Рубежанского химкомбината, Лисичанского содового завода и других заводов, прилегающих к Донцу. Я всей своей волей протестую против загрязнения рек, против порчи леса, против всякого рода браконьерства в рыбной ловле.

Конечно, в одиночку мы можем только возмущаться, а если взяться всей общественностью — мы можем пресечь это зло».

Далее С. И. Недодаев поднимает еще один важный вопрос:

«Я категорически протестую против ловли рыбы сетями частными лицами и не только с мелкой ячеей, но и вообще всякими сетями, не говоря уже о варварском истреблении рыбы взрывчаткой или острогами. *Ловля рыбы сетями — это не спорт.* Это алчное стремление к наживе жалких людишек-эгоистов, нисколько не считающихся с интересами рыболовов-спортсменов. Лови удочкой, лови спиннингом и умей в этом найти удовольствие — это по крайней мере честно и благородно»...

И С. И. Недодаев сообщает о своем небольшом почине, который, на наш взгляд, может быть тоже подхвачен рыболовами-спортсменами. «По мере моих сил я веду борьбу с браконьерством. Из числа знакомых мне рыбаков трое занимались ловлей сетью. Длительное время я прививал им любовь к ловле рыбы удочкой и всячески порицал ловлю сетями. Мой труд не пропал

даром Один из этих рыболовов совершенно отказался от сетей и в скором будущем вместе со мной отправится с удочками на ночную рыбалку.

Это достижение маленькое, но методичное. В будущем я полагаю, что и остальных двух переведу на удочку».

К содержащимся в письмах, поступивших на нашу заочную конференцию, другим предложениям о практических мерах по охране водных просторов нашей Родины мы вернемся в следующей книге альманаха.

Мы обращаемся также к нашим корреспондентам с просьбой рассказать, какое практическое направление приобретают на местах охрана водоемов и развитие спортивного рыболовства в отдельных экономических районах СССР в связи с разветвляющейся деятельностью Совнархозов.

Нет сомнения, что последовательное проведение в жизнь мудрых решений Коммунистической партии и Советского правительства о дальнейшем совершенствовании управления промышленностью и строительством чрезвычайно плодотворно повлияет и на наши дела. Создаются новые благоприятные условия для охраны природы и для ведения культурного рыбного хозяйства, а вместе с тем и для развития рыболовного спорта применительно к географическим и хозяйственным особенностям каждого края.



Ник. Павлов

У КОСТРА

Я лишь ночью
Немножко свободен
От рыбацких волнующих дел.
Путь немалый сегодня пройден
И по берегу, и по воде.
Есть улов кой-какой в корзине —
Выходной проведен не зря!
Вдалеке за туманной низиной
Догорела, погасла заря.
Над костром котелок закипает,
Коростель заиграл на дуде.
Глянешь в омут — луна молодая,
Словно рыба, резвится в воде.
Сколько за ночь припомнишь бывшего,
Что как волны умчали года, —
Героического, фронтового
И лирического иногда.
Ночь неслышно уйдет за пригорок,
Прозвенит на прощанье «ку-ку!..»
И, вернувшись на поезде скором,
Снова встану я к другу-станку.

*Гор. Фурманов,
Ивановская сбл.*



Александр Волков

УДАЧНЫЙ ДЕНЬ

Как только нас отпустили вечером после первомайского костра, я побежал домой, взял удочку, одежду, провизию. Скоро к нашему дому подошли Васька Таратута и Сенька Рашупкин. Мы втроем отправились к Антошке Шукину, по прозвищу дед Щукарь, который живет на самом берегу.

Дед Щукарь у нас главный распорядитель по вопросам рыбалки, на этом деле он, как говорится, собаку съел. У него хорошая лодка, самые лучшие удочки и весь прочий рыболовный припас. Его батя вернулся с войны сильно израненный и в позапрошлом году помер, но он тоже был хороший рыболов, вот от него все и перешло к Антошке.

У них семья большая: Антошкина мать и четыре сестры старше его, учатся в седьмом, восьмом, девятом и десятом классах. И всю эту «женскую бригаду», как ее называет Антошка, он ухитряется кормить рыбой не только весной и летом, но даже зимой.

Щукарь ростом невысокий, но грудастый и сильный: из нашего класса он уступает только Ваське Таратуте. И он совсем спокойный: уж как его ни дразнят, Антошка никогда не лезет драться, только скажет надоедливому: «Эх ты, балабон, трещотка!», отвернется и пойдет по своим делам. Одним словом, он самый что ни на есть флегматик.

Конечно, у Антошки все было уже готово: связка удочек, подсачек, еще накануне накопанные червяки в полотняном мешоч-

ке с землей, горшок с прикормом, сумка с провиантом. Мы с Васькой взяли по веслу, а Щукарь еще сунул мне ведро с водой и сказал:

— Осторожней неси, Гришуха, а то споткнешься и прольешь! А я захохотал:

— Видно, мало воды в Дону, что с собой берешь!

— Не болтай, Челноков, — спокойно возразил Антошка. — Тут живцы, я их сегодня до свету наловил: жерлицы буду ставить.

Мы подошли к лодке, сложили багаж на землю, и Щукарь начал отмыкать замок с цепи; но тут из темноты послышалось пыхтение, и вдруг выкатилось что-то желтое, маленькое и юркое. Мы все так и ахнули:

— Кубря!

Как это щенок деда Филимона нас подкараулил и незаметно прокрался за нами, прямо уму непостижимо! Мы с Васькой виновато поглядели друг на друга: ведь щенчишка увязался за нами. С тех пор, как мы спасли его месяца полтора назад из ледяной каши, наполнявшей Дубовый буерак, Кубря совсем отбился от хозяина и так полюбил нас, что прямо не давал покоя. Мы с Васькой в школу — щенок за нами. Мы войдем, а Кубря лежит на крыльце, лает на дверь, зачем-де моих друзей спрятала, а то еще выть примется. Сторожиha тетя Поля его метлой, а он на нее огрызается, да еще как — зубы-то у него — дай господи!

Мы принялись швырять в Кубрю кусками глины и щепками и ругать его; щенок нырнул куда-то в темноту. Уложили имущество, оттолкнули лодку, уселись.

— На Верблюжий? — спросил Сенька.

— А то куда? — ответил Щукарь, берясь за весла. — Самое сазанье место. А в заливе шука крупная.

Верблюжий остров находится километрах в четырех выше станицы, это излюбленное место наших ночных рыбалок.

Антон начал грести, и тут на берегу послышался легкий шорох и пыхтение: Кубря бежал за нами.

— Побежит, побежит, да и отстанет, — сказал Антошка.

— Как бы не так! Он, чертенок, настырный, — хмуро отозвался я.

Покуда мы плыли напротив домов, все было ничего, а потом случилось вот что: за станицей, где Дон круто поворачивает направо, стоит на берегу избушка бакенщика Евстигнея Захарыча, а он рыболов почище Щукаря, и у него на берегу всегда сушатся сети. Вот в эти сети, растянутые на кольях, с размаху и вкатился наш Кубря. Вкатился, запутался и давай бузовать! Мы догадались, что он рвет сети и лапами и зубами, так как они трещали всю...

Мы обмерли от страха. Евстигней Захарыч — казак одинокий, но хозяйственный и крутой, если поймает щенка, не развяжешься с ним за убытки. Еще хорошо Кубря разделялся с се-

тями потихоньку: не лаял, а чуть только повизгивал. Евстигней же, видно, по случаю праздника основательно выпил, спал и ничего не слышал.

Щукарь взял поближе к берегу, чтобы в случае чего поскорее подхватить щенка в лодку.

Вот, слышим, наш герой прорвался через все заграждения и негромко, но победительно взлаял.

— Я-т тебе, подлая душа! — погрозились на него горячий Васька.

А Кубря от радости еще того пуще подал голос.

Я невольно засмеялся и сказал:

— Вишь, услышал друга!

Мы еще проплыли с полкилометра, и нам дорогу перегородил мелководный залив, уходящий далеко в берег. Кубря, видно, сообразил, что обегать его чересчур далеко. А скорей всего он ничего не соображал (нам на уроках биологии говорили, что у животных нету ума, только инстинкт), а увидел, что лодка от него уплывает, и кинулся в воду.

В заливе воды было всего по колено (летом он совсем высыхает), и уж тут-то наш Кубря нашумел! Плыть ему вроде мелко, а по дну бежать глубоко. И вот он раз скакнет, раз плывнет, раз скакнет, раз плывнет! Лапами по воде колотит, как водяная мельница колесом, аж до нас брызги долетают, хотя мы и держимся на глубине.

Тут наш флегматик Антон и то не выдержал, забеспокоился.

— Да это что же, ребята, такое? — взмолился он. — Ведь он, щучий сын, нам сазанов по всему Дону всполошит!

Но отмель кончилась, и пошло глубокое место под яром, заросшим сверху малиной и ежевикой. Кубре нашему на яр, понятно, не выбраться было, и мы долго слушали, как он плыл за нами, тяжко пытая и сопя, еле-еле двигая лапами и, как видно выбиваясь из сил.

И мы тогда не выдержали.

— Пропадет щенчишка ни за грош! — угрюмо сказал Васька, но в голосе его слышалось восхищение непоколебимой собачьей верностью. — Подплывай к нему, Щукарь!

Антошка послушно повернул лодку, а Сенька стал светить электрическим фонариком. Мы еле-еле успели. Когда Васька Таратута протянул к щенку руку, тот уже безмолвно опускался на дно. Васька едва успел схватить его за намокшую шерсть, поднял и положил на дно лодки у своих ног. Щенка била крупная дрожь: он немало времени пробыл в воде, а донская вода в это время холодна!

Не сговариваясь с Васькой, мы одновременно скинули с себя куртки и набросили на Кубрю. Васька сменил Антошку на веслах, и мы поплыли дальше.

Мы плыли по таинственно темной воде среди чернеющих берегов, и мне вспомнилось, как Гек Финн с негром Джимом так

же плыли по ночам на плоту по широкой Миссисипи и так же под ними плескалась вода и вдали чернели берега, только не было с ними глупого, привязчивого щенка.

— Боюсь я моря, ребята, — тихо сказал вдруг Щукарь.

Я не понял.

— Боишься по морю плавать? — спросил я.

— Нет, не то, — ответил Антошка. — Сейчас Дон кормит рыбой всю нашу семью, шестеро душ, а как в Цимлянском море придется рыбалить и будет ли удача — не знаю...

— Ничего, приспособишься, — утешил его Васька. — Рыбак ты способный, головастый, быть того не может, чтобы ты в море не научился ловить. Не горюй раньше времени. Как говорится, будет день, будет и хлеб.

Антошка задумчиво покачал головой.

Но вот большим черным горбом показался посреди реки Верблюжий. Мы причалили в укромном заливчике, постоянном месте наших остановок. Чтобы не напугать осторожных сазанов, мы обычно устраиваем лагерь в ложбинке за береговой чашей.

Перенести туда наш багаж и насобирать хворосту для костра было делом недолгим. Тем временем Кубря лежал на берегу под куртками и грелся, обсыхая.

Мы втроем, Антошка, Васька и я, собрались ставить за островом, в глубоком заливе, жерлицы. Сенька Рашупкин остался разводить костер и варить кашу.

Но лишь только мы отчалили от берега, как Кубря выоркнул из-под курток и стремглав плюхнулся в воду.

— Да что же это за щенчишка такой распротчаянный! — ошеломленно крикнул Васька, выловил Кубрю из воды и передал его с рук на руки Сеньке.

— Всех сазанов разгонит! Ты держи его, Сенька, пока мы завернемся за остров, а когда станешь разводить костер, привяжи к дереву.

Сенька, опасливо поглядывая на Кубрю, взял его на руки и сел на пенек, а мы снова отплыли. Но не успел Антошка три раза махнуть веслами, как Кубря разразился отчаянно жалобным воем такой высоты и силы, что у нас заверещало в ушах.

Щукарь выпустил весла.

— Ну, балабоны, — растерянно обратился он к нам с Васькой, — это вы виноваты, теперь, как хотите, так и унимайте своего приятеля.

Васька Таратута догадался.

— Щенок Сеньку совсем не знает, — сказал он. — Придется тебе с ним остаться, Челнок!

Я вылез и взял у Сеньки щенка, он сразу умолк и радостно завил хвостом.

Дальше у нас с ним дело пошло как по маслу. Куда бы я ни пошел, Кубря весело переваливался за мной, и морда его, с под-

нятым левым ухом и опущенным правым, выражала полное удовольствие.

Когда вернулись ребята, расставив десяток жерлиц в заливе, каша была почти готова. Развалившись около пылавшего костра в светлом кругу, за которым стеной стояла ночь, мы строили догадки о нашем будущем улове.

— Ветерок тянет с юга, сазан должен брать, — говорил Антошка.

Мы лежали и радовались, так как во всем, что касается рыбалки, Щукарь у нас великий авторитет.

Каша оказалась на свежем воздухе такой вкусной, что мы ее съели мигом. Чай не захотели кипятить и напились донской воды.

— Ну теперь часика четыре можно всхрапнуть, — заявил Васька, протягиваясь во весь свой большой рост.

— Спице, — согласился Щукарь, — а я пойду прикормку разбросаю, да донки поставлю.

— Ишь ты, какой хитрый! — востропнул Васька. — Если ты будешь, так я тоже поставлю.

— Пожалуйста! Идем, я тебе хорошие места покажу.

Взяв фонарик, они пошли к берегу, а мы стали устраиваться на ночлег. Я и Сенька не такие уж азартные рыбаки, мы решили, что хватит с нас и завтрашнего утра — все равно Щукарь чем свет разбудит. А Васька — рыболов хоть и азартный, но не слишком толковый, у него если что и получается, то лишь под Антошкиным руководством: Васька чересчур горяч и всегда может наделать глупостей.

Я не слышал, когда ребята вернулись с берега, и проснулся только от того, что Щукарь толкал меня ногой в бок и однообразно тянул:

— Вставай, Челнок! Вставай, вставай!

Я поднялся, и мы общими усилиями подняли Сеньку, которого разбудить оказалось еще труднее.

В ложбине между кустами было совсем темно, но когда мы осторожно выбрались на берег, стараясь, чтобы нас не видно было с воды, восточный край неба уже белел, и звезды на нем померкли. Гонимые легким ветерком, над рекой плыли белые косматые клочья тумана.

Место, где Антошка и Васька расставили на ночь удочки, было самое что ни на есть сазанье: длинная яма под обрывистым глинистым берегом; на дне много коряг и пней, и наши стачные рыбаки не могли закидывать туда невода и ставить сети.

Подбираясь к месту, где были воткнуты в берег удилица, Антошка тихо свистнул: это у него показывало удовольствие.

— Будет дело, — шепнул он мне. — Двух на месте нет!

Я никогда не ставил удочки на ночь и не понимал, чему тут радоваться. Щукарь не стал объяснять, а направился за Васькой к его удочкам.

Васька взял первое удилище, осторожно вынул заостренный конец из земли и чертыхнулся: на конце болтался кончик лески метра в два.

— Порвал? — прошептал Антошка.

— Порвал, — огорченно признался Васька. — Видать, крупный был!

— Сам виноват, — сердито отозвался Шукарь. — Говорил тебе — не привязывай удилища!

Теперь я понял, почему доволен был Антошка. У него два крупных сазана выдернули удочки и теперь гуляли с ними по реке. А что, если они ушли слишком далеко? Но я еще не знал изобретательности нашего жоака.

С другой удочки Васька Таратута снял сазана килограмма на два: у этого не хватило силы порвать крепкую леску. Эта добыча немного утешила Ваську.

Антошка с одной из оставшихся удочек тоже снял сазана килограмма на полтора, с другой была сорвана насадка.

— Ничего, ничего! — шептал Антошка, поживаясь от утреннего холода. — Сейчас за беглецами пустимся.

Он вывел лодку из заливчика, вставил весла в уключины.

— Кто со мной?

Я стал спускаться в лодку.

Восток заметно светлел, но вода была еще совсем темная. Пригнувшись, Антошка внимательно разглядывал поверхность реки. Вдруг он схватился за весла и начал быстро, но осторожно грести вверх по реке. Посмотрев туда, я увидел что-то белое. Это плавало полено, Шукарь правил прямо на него.

Когда мы подплыли совсем близко, Антошка выловил полено, и я увидел, что от него тянется крепкая бечевка. Шукарь начал перебирать ее, и скоро у него в руках оказался толстый конец удилища. Тут я понял Антошкину хитрость: сазан, конечно, не мог уйти далеко с тяжелым поленом!

— Ну, теперь смотри! — угрожающе прошипел Антошка. — Подсачек подводи с головы, да не зевай!

Шукарь поднял удилище с усилием, и большая рыба согнула его в дугу. Антошка действовал очень искусно; он водил сазана на кругах, не давая ему подойти под лодку. Мало-помалу рыбки становились слабее, и, наконец, сазан боком всплыл на поверхность. Антошка подтянул его к лодке, а я удачно подвел под него подсачек.

Выбросив сазана на дно, Шукарь накрыл его своей курткой, чтобы он не слишком трепыхался.

— Кило на четыре будет, — сказал Антошка с довольным видом. — А ты молодец, ловко подхватил его.

Второе полено мы искали минут двадцать и нашли его, когда совсем рассвело. Оно оказалось на полкилометра ниже Верблюжьего и почему-то стояло торчком. Антошка сомнительно покачал головой, и я почувствовал что-то неладное.

Едва лишь он взял полено, как оно чуть не вырвалось из рук. Все же ему удалось удержать его, но лодка вдруг двинулась по течению, набирая ход. Щукарь пробормотал:

— Ох, там и сазанище сидит... Силен, как лошады!

Он попытался улыбнуться, но губы его только судорожно искривились. Он перебрался на корму, а мне велел сесть за весла.



Сазан долго тащил нас с неослабевающей силой. Наконец Щукарь крикнул:

— Гребите напротив, да не торопись!

Я опустил весла в воду и лишь тут почувствовал, что сазан действительно силен! Долго мы держались на месте, а потом лодка стала чуть заметно подаваться.

Когда мы подходили к острову, я так упарился, что рубашку на мне — хоть выжми. Не лучше пришлось и Антошке. Полено валялось у его ног, и он держал бечеву, но она изрезала ему руки, с ладоней сочилась кровь.

Сидевшие на берегу с удочками Сенька и Васька вскочили и что-то закричали, но нам было не до них: в это время сазан большой дугой начал заворачивать назад. Щукарь с натугой выдохнул:

— Ага, сдаешься, чувствуешь, что твоя не берет! Челнок, гребите сильнее!

Я налег так, что у меня спину заломило, и с радостью почувствовал, что сазан на самом деле начинает сдавать. Прошло несколько минут, и Щукарь смог, наконец, поднять удилище. Оно согнулось чуть не в кольцо, и будь сделано кем-нибудь другим, наверняка бы лопнуло. Но Антошка был мастер на такие вещи, и удилища у него — первый сорт; лучше всяких покупных. Водя рыбину, он только не давал леске ослабнуть, потому что если она ослабнет, сазан мигом перехватит ее своей твердой спинной пилой.